

Вагнер П. От господства к автономии: две эпохи прогресса в мировой социологической перспективе. DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_72 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 72–95.

УДК 316.012:321.01

DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_72

От господства к автономии: две эпохи прогресса в мировой социологической перспективе¹

Питер Вагнер

Университет Барселоны

г. Барселона, Испания

E-mail: peter.wagner@ub.edu

Поступила в редакцию 28.06.2022

В последние десятилетия вера в прогресс, широко распространенная в течение двух веков после Французской революции, угасла. В этой статье показано, как поставленный диагноз конца прогресса может быть использован в качестве повода для переосмысления того, что представлял собой прогресс и что он может представлять собой сегодня. Это переосмысление предполагает два важных шага. Во-первых, идея прогресса, которая была унаследована от Просвещения, реконструируется и противопоставляется тому, как реально достигался прогресс в ходе исторического развития. На этом этапе показано, что хотя предполагалось, что прогресс будет достигнут за счет автономии личности, в действительности он произошел за счет господства и сопротивления господству. Анализ непродолжительного периода возрождения прогресса, начавшегося в середине XX в., подтверждает эту мысль и фокусирует внимание на трансформации мирового устройства за последние пятьдесят лет, что определяет следующий шаг – анализ этой социально-политической трансформации как знаменующей конец (или почти конец) системы формально закрепленного господства. Современная эпоха часто характеризуется тенденциями глобализации и индивидуализации, а также – с нормативной точки зрения – все большей гегемонистской приверженностью правам человека и демократии. Однако критический анализ современной социально-политической конфигурации показывает, что конец формально закрепленного господства не означает конца истории; он предполагает выработку нового видения будущего прогресса. Прогресс более не может быть достигнут через сопротивление господству – он достигается благодаря автономным коллективным действиям и критической интерпретацией мира, в котором живет человек.

Ключевые слова: современность, прогресс, автономия, господство, сопротивление

¹ Оригинальную версию статьи см.: Wagner P. From Domination to Autonomy: Two Eras of Progress in World-sociological Perspective // *Historická sociologie*. 2015. № 2. P. 27–44. Перевод публикуется с любезного разрешения автора.

© Вагнер П., 2022

From Domination to Autonomy: Two Eras of Progress in World-sociological Perspective

Peter Wagner

University of Barcelona

Barcelona, Spain

E-mail: peter.wagner@ub.edu

Received 28.06.2022

Abstract. In recent decades, the belief in progress that was widespread across the two centuries following the French Revolution has withered away. This article suggests, though, that the diagnosis of the end of progress can be used as an occasion to rethink what progress meant and what it might mean today. The proposal for rethinking proceeds in two big steps. First, the meaning of progress that was inherited from the Enlightenment is reconstructed and contrasted with the way progress actually occurred in history. In this step, it is demonstrated that progress was expected through human autonomy, but that it was actually brought about by domination and resistance to domination. A look at the short revival of progress after the middle of the twentieth century will confirm this insight and direct the attention to the transformation of the world over the past half century, on which the second step focuses. This socio-political transformation is analyzed as spelling (almost) the end of formal domination. The current era has often been characterized by the tendencies towards globalization and individualization as well as, normatively, by the increasingly hegemonic commitment to human rights and democracy. A critical analysis of the current socio-political constellation, however, shows that the end of formal domination does not mean the end of history; it rather requires the elaboration of a new understanding of possible progress. Progress can no longer predominantly be achieved through resistance to domination, but rather through autonomous collective action and through the critical interpretation of the world one finds oneself in.

Keywords: modernity; progress; autonomy; domination; resistance

For citation: Wagner P. From Domination to Autonomy: Two Eras of Progress in World-sociological Perspective, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 72-95. DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_72 (in Russ.).

Между 1979 и 1989 гг. мир изменился. 1979-й – год второго нефтяного кризиса, Исламской революции в Иране, избрания Маргарет Тэтчер на пост премьер-министра Великобритании и выхода в свет «Состояния постмодерна» Жана-Франсуа Лиотара. 1989-й – год падения Берлинской стены, год, когда политолог Фрэнсис Фукуяма провозгласил «конец истории», а философ Ричард Рорти в промежутке между публикацией новых книг выдвинул предположение о том, что социальная и политическая мысль вполне вероятно пережила «последнюю необходимую ей концептуальную революцию». Лиотар утверждал, что развитие обществ не столь очевидно, как это предполагалось социальной и политической мыслью, и далеко от следования

исторической траектории линейной эволюции. Так, например, долгое время считалось, что Иран следует стабильному курсу «модернизации и развития», однако свержение шахского режима свидетельствовало о том, что возможны и другие варианты. Начало конца советской социалистической системы десять лет спустя, напротив, казалось бы, подтвердило тезис о том, что рыночному капитализму и либеральной демократии, говоря словами Маргарет Тэтчер, «альтернативы не существует». В разной по своей сути манере Фукуяма и Рорти оценили и приветствовали эту новую ситуацию, сложившуюся в обществе, политике и интеллектуальной сфере.

Несмотря на очевидные недостатки, концепции Лиотара, Фукуямы и Рорти отразили важную особенность своего времени. Мы можем назвать эту особенность «конец прогресса». На первый взгляд, Лиотар полагал, что прогресс был невозможен или был больше невозможен, тогда как Фукуяма и Рорти утверждали, что весь значительный прогресс уже достигнут. Вывод тем не менее оказался одинаков: если диагноз верный, то в наше время прогресс более не представляется возможным. Даже неутомимый теоретический оптимист Юрген Хабермас выразил свою приверженность духу времени, назвав конец советского социализма «догоняющей революцией» (Habermas 1990). Как заяц в сказке [братьев Гримм], «прогрессивные» политические активисты по всему миру оказались в конце гонки перед лицом либерально-демократического ежа, который с усмешкой говорил: «Я уже здесь».

Думается, что, подобно паре ежей, либерально-демократическая философия истории сыграла с человечеством трюк с зеркалом. По прибытии обнаружилось, что конечный пункт путешествия не имеет ничего общего с тем образом, который утвердился в публичном пространстве. Начиная с 1990-х гг. неограниченный капитализм привел к росту неравенства, ухудшению условий труда и разрушению государства всеобщего благосостояния. Сегодня в мире можно обнаружить огромные территории, на которых законность перестала существовать, а насилие становится все более распространённым. Кроме того, все больше нарушается экологический баланс на Земле, стремительно приближая нас к тому моменту, когда условия жизни начнут резко ухудшаться из-за изменений климата. То, что нас ждет, это, судя по всему, войны и насилия, бедность и неравенство, продолжение эксплуатации и репрессий, которые в лучшем случае будут прерываться ограниченными во времени и пространстве периодами относительного мира, благополучия, равенства и свободы. Оптимизм тех, кто полагал, что прогресс уже достигнут, уступил место пессимизму тех, кто считал, что устойчивый прогресс недостижим. Единственно возможный смысл прогресса в наше время, по недавнему замечанию Клауса Оффе (см.: Offe 2010), состоит в избегании регресса.

Последующие рассуждения исходят из предположения о том, что мы не можем просто принять идею конца прогресса. Вместо этого нам следует использовать данный диагноз в качестве повода для переосмысления того, какой смысл нес в себе прогресс и какое значение он может иметь сегодня. Проект пересмотра идеи прогресса будет осуществлен в два боль-

ших этапа. Во-первых, мы попытаемся реконструировать идею прогресса, которая была унаследована от эпохи Просвещения, и противопоставить ее реальному историческому пути, по которому пошел прогресс. На этом этапе мы постараемся показать, что хотя предполагалось, что прогресс будет достигнут за счет автономии личности, в действительности он произошел за счет господства и сопротивления господству. Анализ короткого периода возрождения прогресса, начавшегося в середине XX в., даст возможность увидеть подтверждение этой идеи и сфокусирует внимание на трансформации, произошедшей в мире за последние пятьдесят лет, что станет предметом рассмотрения на втором этапе. Эта социально-политическая трансформация, о которой я ранее говорил как о разрушении организованной современности (см.: Wagner 1994), будет анализироваться как знаменующая конец (или практически конец) системы формально закрепленного господства. Эпоха, последовавшая за организованной современностью, часто характеризуется тенденциями глобализации и индивидуализации, а в нормативном смысле – все большей гегемонистской приверженностью правам человека и демократии. Это отражает упоминавшаяся выше точка зрения, согласно которой весь возможный прогресс уже достигнут. Критический анализ совокупности текущих социально-политических тенденций показывает, что конец формально закрепленного господства не означает конца истории, однако он требует выработки нового понимания возможного прогресса. Прогресс уже более не может быть достигнут через сопротивление господству – он достигается благодаря автономным коллективным действиям и критической интерпретации мира, в котором живет человек.

От автономии к господству: краткая история прогресса

Жесткая концепция прогресса. В самом общем смысле прогресс означает улучшение условий жизни людей, в том числе принципов их совместного проживания. Прогресс всегда темпорален: он нацеливает на усовершенствование через сравнение во времени. Насколько мы можем судить, люди всегда проявляли интерес к прогрессу. Они наблюдали, как он происходит, пытались осмыслить его причины и условия, которые ему способствуют. Они также являлись свидетелями регресса и старались понять, как можно его избежать. Бросая взгляд на свое прошлое, они иногда отмечали улучшения в одних аспектах и упадок в других. По большей части они не рассчитывали, что улучшения будут постоянно приносить желаемый результат. Все, что может быть улучшено, может вновь ухудшиться, и вероятнее всего на определенном этапе именно так и случится.

Однако между семнадцатым и восемнадцатым столетиями в Европе произошло нечто особенное. Возникло ожидание всестороннего улучшения, улучшения во всех отношениях. И такое улучшение необязательно должно было быть временным. Оно могло быть устойчивым в долгосрочной перспективе, и каждая будущая ситуация могла предполагать последующее улучшение. Более того, такое всестороннее улучшение было не просто возможным; оно было весьма вероятным, поскольку у человека сформировалось

представление об условиях, в которых оно может произойти. Эта смена ожиданий и надежд и была изобретением прогресса. Как мы увидим, происходившее является зеркалом событий сегодняшних. Оно знаменовало момент начала гонки между зайцем и ежом. Мы не в состоянии пробежать ее снова, но для того, чтобы понять, где мы сейчас находимся, нам следует проанализировать ее ход.

К 1800 г. переосмысление идеи прогресса имело столь выраженные последствия, что историки начали говорить о «разрыве в общественном сознании», который непосредственным образом связан с Французской революцией как моментом прорыва новой концепции (см.: Koselleck, Reichardt 1988). Вероятно, наиболее ярко охарактеризовал возникновение новой идеи прогресса Райнхарт Козеллек – через отделение горизонта ожиданий от пространства опыта, то есть как появление широкого горизонта времени (см.: Koselleck 1979). То, что станет возможно в будущем, отныне не определялось опытом прошлого.

Новая концепция прогресса ознаменовала собой радикальный разрыв со всеми прежними взглядами на улучшение. Она связала нормативные достижения человечества с длительной и линейной перспективой и в то же время отделила эти достижения от непосредственного воздействия человеческой деятельности – в результате прогресс обрел свою собственную причинно-следственную связь. Эту концепцию можно назвать жесткой концепцией прогресса. Она предполагала радикальный характер позитивных преобразований человеческого бытия, которые ранее невозможно было даже представить. При этом она отделила нормативные ожидания в отношении будущего от реальных условий социальной жизни в Европе XVIII–XIX вв. – месте, где возникла данная концепция.

Если рассуждать в подобном русле, сразу становится понятно, что сегодня мы далеки от этой концепции прогресса. Мы больше не склонны придерживаться этой убежденности. Наши сомнения касаются как лежащей в ее основе философии истории нормативно-эволюционистской направленности, так и самого метода, предполагающего отрыв ожиданий от опыта. Но именно для того, чтобы лучше понять, есть ли связь между нашим опытом и прогрессом, необходимо рассмотреть исходные предпосылки, на которых была построена эта концепция.

Такое исследование быстро дает первый и весьма общий результат. Те, кого мы называем мыслителями эпохи Просвещения, разделяли одно базовое предположение, на котором строилось все остальное: они считали человека способным к автономии и наделенным разумом. Разум позволял человеку понять проблемы, с которыми он сталкивался, и найти способы их решения. Автономия давала возможность избрать адекватные средства и предпринять необходимые действия, что позволяло совершенствоваться в решении проблем. Более того, человек обладал памятью и мог учиться. Поэтому, вместо того чтобы решать одну и ту же проблему заново, каждое последующее поколение могло опираться на опыт предыдущих и приумножать его. Именно эта связь разума, автономии и способности к обучению создает условия для исторического прогресса человечества.

Если это так, то сразу же возникает еще один вопрос, почему до 1800 г. в истории человечества не существовало устойчивого прогресса. Но и на данный вопрос в то время был найден вразумительный ответ. Человек на тот момент находился лишь на стадии «освобождения от незрелости, причиненной самому себе» (Иммануил Кант). Он еще не осмеливался в полной мере использовать свою способность мыслить рационально; и довольно часто люди не были свободными, жили под различными формами господства. Но, как полагали многие, все должно было измениться, не в последнюю очередь благодаря просветительской мысли. Создание условий для автономной жизни и свободного мышления непременно приведет к прогрессу, и его уже невозможно будет остановить. Этот дополнительный момент не только позволяет понять, почему до 1800 г. прогресс не был столь значительным, но также проясняет причины, по которым ожидания относительно будущего прогресса в условиях автономии должны отделяться от прошлого опыта, приобретенного в условиях «незрелости».

До этого момента в статье было представлено карикатурное изображение мысли эпохи Просвещения. Едва ли можно найти мыслителя, который бы рассуждал в столь упрощенной форме. Но карикатура нужна именно для того, чтобы намеренно преувеличивать реальные черты, так обстоит дело и в этом случае. Другими словами, без сохранения определенной приверженности благотворному сочетанию свободы и разума было бы невозможно прийти к описанной выше жесткой концепции прогресса и отразить присущий ей оптимизм.

Ошибочное представление о прогрессе. Однако в исторической реальности свобода была достигнута далеко не всеми. Скорее получилось так, что меньшинство людей, обладающих свободой, использовало свою автономию с целью господства над природой, другими людьми за пределами своего общества и несвободным большинством в своем собственном обществе. В ответ на это господство росло сопротивление со стороны несвободного большинства, со стороны всех других находившихся под данным господством, а также со стороны природы. Как следствие, в течение двух столетий доминирования жесткой концепции прогресс, как преобразование условий человеческой жизни, по преимуществу достигался не за счет взаимодействия между свободными людьми, а за счет господства и сопротивления господству¹. В интеллектуальном плане европейский девятнадцатый век, безусловно, находился в тени Просвещения и его приверженности к автономии. Однако с точки зрения реальной практики и развития социальных институтов ситуация была иной. После Венского конгресса 1815 г. революционная активность на время прекратилась. Революции 1830, 1848 и 1871 гг. свидетельствовали о том, что воображаемая автономия

---

¹ Некоторые читатели могут увидеть здесь сходство с рассуждениями критических мыслителей, начиная с Маркса, и такая близость действительно существует. Однако Маркс и другие авторы критических теорий ошибались, утверждая вслед за мыслителями эпохи Просвещения, что эра полной автономии уже началась.

жива в Европе. Но их возникновение и подавление также демонстрировали, что европейские общества еще не были трансформированы с учетом этого воображаемого. Из-за такого расхождения между интеллектуальными и социально-политическими изменениями наблюдатели ошибочно рассматривали европейскую историю XIX в. как историю прогресса, основанного на автономии, что повлекло за собой преувеличение последствий самой автономии. Критические мыслители от Маркса до Вебера и Адорно, а в некотором смысле включая и Лиотара, полагали, что девятнадцатое столетие и начало XX в. стали свидетелями разрушения автономии в процессе ее воплощения. Реальная историческая практика, однако, определялась не всеобщей автономией, а скорее сочетанием роста автономии европейских элит с господством над природой и большинством европейского населения, а также колониальным господством. С точки зрения элиты, эта комбинация привела к прогрессу. С точки зрения критических мыслителей, все было не так. Но они не сумели распознать, в результате чего прогресс был сорван: не из-за последствий автономии как таковой, а из-за ограниченного использования автономии в сочетании с господством.

В некотором отношении порожденные таким господством и сопротивлением ему социально-политические преобразования действительно могли привести к прогрессу с точки зрения нормативных достижений на определенном этапе и в конкретных условиях: например, к научному прогрессу и материальному развитию, а также к эмансипации, вовлечению в социальную жизнь и признанию прав. Но такой прогресс достигался не благодаря тем основаниям, которые предполагались сторонниками жесткой концепции прогресса. Отсюда следует важный вывод о том, что угасание прогресса в недавнем прошлом не может объясняться недостатками идеи Просвещения о прогрессивном развитии свободы и разума. Как выразился Лиотар, нельзя даже сказать, что эта идея была опровергнута. Скорее условия для ее реализации не были достигнуты, и потому не было возможности узнать на собственном опыте, была ли она ошибочной или нет. В мире, построенном на принципе господства, мы не в состоянии понять, как люди могут использовать свой разум и каких результатов им это позволит достичь.

Непродолжительное возвращение прогресса. Уже к середине XX в. сложилось мнение, что концепция прогресса практически отвергнута. В своих посмертно опубликованных «Тезисах о философии истории» 1940 г., Вальтер Беньямин, интерпретируя картину Пауля Клее, обращается к образу ангела истории. Ангел смотрит на прошлое и видит «одну сплошную катастрофу, непрестанно громоздящую руины над руинами и сваливающую все это к его ногам», но его движет к будущему, «к которому он обращен спиной, в то время как гора обломков перед ним поднимается к небу» бурей. «То, что мы называем прогрессом, и есть эта буря». В этой трактовке то, что на протяжении более чем столетия называлось прогрессом, рассматривается как явление, которое действительно обладает мощным потенциалом, как движущая сила истории, которая неподвластна человеку. Этот образ опирается на самую жесткую версию концепции прогресса, которую мы приводим в

начале статьи, – на понимание прогресса как движущей силы. Но теперь этот прогресс оказался движущей силой разрушения. Несколько лет спустя после крушения нацизма и окончания Второй мировой войны Карл Ясперс в работе «Смысл и назначение истории» создает другой образ со схожей целью: «Мировую историю можно воспринимать как хаотическое скопление случайных событий – как беспорядочное нагромождение, как водоворот пучины. Он все усиливается, одно завихрение переходит в другое, одно бедствие сменяется другим; мелькают на мгновение просветы счастья, острова, которые поток временно пощадил, но вскоре и они скрываются под водой» (Jaspers 1953: 270; Ясперс 1991: 275)¹.

Эти авторы пытаются осмыслить катастрофическую первую половину двадцатого столетия и приходят к выводу, что надежды на прогресс нет или (что еще хуже) что направление истории – это направление все большего разрушения, как говорит Беньямин. Однако в свете наших предшествующих рассуждений мы можем рассматривать такие трактовки философии истории гораздо более контекстуально. Они возвещают не о конце прогресса в целом, а о конце европейского господства, которое породило особый вид прогресса. Это контекстуальное прочтение находит подтверждение во втором, сравнительном наблюдении.

Очевидно, не слишком затронутая этими европейскими заботами концепция прогресса в своей довольно жесткой форме возникла вновь уже в другом месте, в Северной Америке, отражая новую гегемонию в мире после окончания Второй мировой войны. Оценивая ситуацию с позиции победы, а не поражения, американские авторы часто выражали оптимизм в отношении поиска решения все еще сохранявшихся проблем. В академическом плане этот оптимизм нашел свое наиболее полное и яркое выражение в получившей широкую известность благодаря работам Толкотта Парсонса социологии модернизации, которая представляет собой философию истории, привязанную к функционалистской теории современного общества.

Это представление зиждилось на приверженности принципам свободы и разума в духе Просвещения и вместе с тем способствовало развитию еще одной их интерпретации. Оно исходило из того, что прогресс осуществим на основе институционализации автономии в функционально дифференцированном современном обществе. Предполагалось, что, с одной стороны, общества могут опираться на автономию и инициативность без риска непредсказуемости, поскольку свобода реализуется в четко определенных институциональных рамках, а с другой стороны, что такая инициативность в этих рамках будет обеспечивать дальнейшее совершенствование за счет экономического роста и научного прогресса. Считалось, что такое состояние развития уже было достигнуто рядом обществ, в частности США, также к нему вплотную приблизились некоторые западноевропейские страны, при этом так называемые страны третьего мира вступили на более длинный, но не менее прогрессивный путь «модернизации и развития». Таким

---

¹ Здесь и далее ссылки на цитаты, которые приводятся по русским переводам, представлены комплексно. – *Пер.*

образом, европейское уныние середины века преодолевалось американским оптимизмом 1960-х гг. Даже самую главную проблему с точки зрения США – наличие советского социализма – предполагалось решить путем процесса постепенной конвергенции, обусловленного функциональными требованиями. Но этот энтузиазм оказался недолгим. Протестные движения 1960-х гг. как внутри страны, так и на международной арене поставили под сомнение идею о том, что институциональное развитие достигло того уровня, при котором возможен планомерный прогресс. В свою очередь, неспособность этих движений добиться серьезных политических изменений на Западе, а также возобновление экономических кризисов привели к провозглашению конца эпохи всех больших нарративов. Историческое развитие с 1789 по 1940 г. словно бы повторилось в ускоренном темпе в период между 1945 и 1979 гг.

Таким образом, чтобы понять, что же случилось с прогрессом, нам необходимо более пристально взглянуть на недавнее прошлое. Если точнее, то нам следует задаться тремя вопросами о второй половине прошедшего столетия. Во-первых, нужно переосмыслить социально-политическую конфигурацию, сложившуюся в период с окончания Второй мировой войны по середину 1970-х гг., известный как «славное тридцатилетие» (*фр.* Les Trente Glorieuses), учитывая, что она была ошибочно воспринята как функционально эффективная институционализация свободы. Во-вторых, до сих пор остается открытым вопрос, почему десятилетия бурной активности общественных движений (1960–1980-е гг.), часто называвших себя прогрессивными, в итоге привели к угасанию прогресса. И, в-третьих, это угасание прогресса само по себе нуждается в более тщательном рассмотрении. Подобно тому как возвращение прогресса после Второй мировой войны было кратковременным, поскольку основывалось на ошибочном социально-политическом диагнозе, так и исчезновение прогресса из политической повестки дня может быть вызвано неправильной трактовкой недавних событий и также может быть недолгим.

От формально закрепленного господства к автономии и критической интерпретации: переход к новой концепции прогресса

Прогресс в пределах границ: организованная современность и ее недостатки. Глобальная социально-политическая конструкция, сложившаяся к 1960 г., считалась достаточно крепкой, что нашло отражение в распространенном в то время образе трех миров: первый мир либерально-демократического капитализма, второй мир социализма советского образца и третий мир развивающихся стран. Этот образ был социологически интерпретирован с точки зрения первого мира как достигшего статуса «современного общества»; второй мир представлял собой намеренное и спланированное отклонение, но с тенденцией к постепенному объединению с первым миром; в то время как третий мир все еще нуждался в «модернизации и развитии». Эти миры, в свою очередь, состояли из обществ как отдельных структурных элементов,

каждый из которых, согласно утвердившемуся представлению, имел четко очерченные границы и государство как центральный институт, обладавший реальной властью контролировать границы и организовывать социальную жизнь внутри границ по единым правилам.

Образ упорядоченности и контроля – при очевидном несоответствии – распространялся и на надежды в отношении прогресса. Ожидалось, что устойчивость социальных институтов сделает изменения предсказуемыми и позволит пользоваться благами прогресса при отсутствии рисков в условиях абсолютно открытой перспективы будущего. Чтобы понять эту двойственную оценку будущего как одновременно открытого и уже хорошо знакомого, важно выделить основные аспекты прогресса по состоянию на 1960 г. Предполагалось, что *прогресс в области развития знаний* будет непрерывно приносить пользу обществу, причем заполнение последних пробелов в знаниях позволит исключить любые неприятные сюрпризы в ходе дальнейшего научного поиска¹. *Экономический прогресс* тоже должен был стать предсказуемым и прогнозируемым.

Кейнсианское управление спросом, социалистическое планирование и развитие национальной промышленной экономики на основе политики импортозамещения являлись применявшимися в каждом из трех миров стратегиями, с помощью которых можно было достичь экономического роста без циклических спадов, присущих развитию капитализма на раннем этапе. Использование таких методов управления обеспечивало не только устойчивый, но и долгосрочный экономический рост, создавая тем самым материальную основу для достижения социального и политического прогресса.

В то время как эпистемологический и экономический прогресс должен был продолжаться в контролируемом режиме, социальный и политический прогресс считался завершенным и устоявшимся. В ходе *социального прогресса* основное внимание уделялось достижению инклюзии. Ее предполагалось достичь путем развития государства всеобщего благосостояния, где все члены общества будут защищены от любых возможных рисков «от колыбели до могилы», как сказал в 1943 г. Уинстон Черчилль². В Европе, как в Западной, так и в социалистической, социальная инклюзия в различных сферах, пусть и разными способами, была в целом достигнута к 1960-м гг. В США она была заявлена в качестве главной цели «войны с бедностью» – ключевого пункта программы президента Джонсона «Великое общество». В третьем мире аналогичный социальный прогресс в лучшем случае просматривался в далекой

---

¹ Передовые проекты, которые в то время овладели научно-техническим воображением: сверхзвуковые полеты, изучение космического пространства с помощью специальных пилотируемых аппаратов, развитие ядерной энергетики, были либо приостановлены из-за неоправданных трудностей в их реализации и, как следствие, их нецелесообразности, либо поставлены под серьезное сомнение из-за сопутствующих рисков.

² П. Вагнер пишет, что эти слова были сказаны в 1943 г. Уинстоном Черчиллем, однако впервые они прозвучали в 1942 г. в «Докладе о социальном страховании и смежных услугах» («Report on Social Insurance and Allied Services») английского экономиста Уильяма Бевериджа. – *Пер.*

перспективе. Социальная инклюзия в обществах первого мира опиралась на противопоставление странам третьего мира. Более того, социальный прогресс благодаря политике государства всеобщего благосостояния предполагал стандартизацию жизненных ситуаций и – вместе с ориентированной на мужской труд моделью экономики полной занятости – стандартизацию жизненных сценариев. Как видим, индивидуализация не являлась в то время ключевым условием социального прогресса. *Политический прогресс* (при условии узкого взгляда на него) мыслился схожим образом, как уже достигнутый в некоторых частях мира и потенциально достижимый во всех остальных. Свидетельством прогресса служило свободное и равное «конвенциональное» политическое участие, которое обеспечивало избрание властей, несущих определенную степень ответственности перед гражданами и одновременно способных разрабатывать и реализовывать политические программы. Такая система была создана в первом мире, получила особую форму выражения во втором и должна была быть установлена с помощью политической модернизации в третьем. Узкий взгляд на прогресс предполагал, что существующие государства должны стать проводниками политического прогресса и что внутри них должен быть достигнут необходимый баланс между участием в коллективном самоопределении и реальным соблюдением общих принципов, причем во всех спорных ситуациях предпочтение должно отдаваться последнему.

Эта краткая характеристика различных параметров прогресса позволяет говорить о том, что его двойственное видение в организованной современности после Второй мировой войны как одновременно открытого и предсказуемого процесса отражало новое соотношение между опытом и ожиданиями. Опыт первой половины XX в., в частности, показал, что широкий горизонт ожиданий допускал вероятность нежелательных и даже катастрофических последствий. Этот опыт продемонстрировал пределы возможностей прогресса вследствие господства, в том числе обусловленные риском возникновения сопротивления господству, которое может привести к нежелательным результатам. Выводом из этого опыта стало сужение горизонта ожиданий, который тем не менее оставался открытым благодаря институтам организованной современности. Или, другими словами, данный опыт был попыткой выбрать из широкого спектра исторически возникших возможностей ограниченное число тех, что представлялись одновременно функционально жизнеспособными и нормативно желательными.

Если оглянуться назад, становится ясно, что этот выбор, явившийся результатом решения политической и экономической элит в ранний послевоенный период, принес кратковременный отрезок стабильности из-за двойственного восприятия прогресса, которое вело к противоречивым выводам. С одной стороны, представление о прогрессе, сформированное двумя столетиями ранее, теперь должно было выступать ориентиром для социально-политической практики. В публичных дискуссиях существующая социально-политическая конструкция рассматривалась уже не как режим власти, равный другим в истории, а как социально-политический порядок, нуждающийся в нормативном обосновании. Таким образом, основанные

на этом представлении требования – индивидуальной свободы, коллективного самоопределения, социальной справедливости – не могли быть просто отброшены. Они должны были быть так или иначе удовлетворены, в противном случае требование перемен усиливалось.

С другой стороны, особая форма, которую принял этот социально-политический порядок, возникла в конкретных исторических обстоятельствах. В этом ситуативном контексте США оказались наиболее подходящим местом для утверждения нового взгляда на прогресс по ряду причин. Они не являлись непосредственными виновниками бедствий и катастроф первой половины XX в. Они превратились в экономически мощную державу и перестроили систему экономики на принципах капитализма массового потребления, тем самым успешно решив вопрос удовлетворения материальных нужд населения. У них сложилась репутация общества с более развитой системой политического участия, чем в европейских странах, даже несмотря на порабощение коренного населения и дискриминацию афроамериканцев, – тем самым они определяли направление политического прогресса. Кроме того, к тому моменту они играли менее значительную роль в системе колониального господства, чем Европа, позиционируя себя скорее как одно из первых постколониальных обществ.

В более широком смысле возникшие исторические обстоятельства предполагали, что выводы, извлеченные из предшествующего опыта, должны быть реализованы в условиях существующих государственных границ, экономических систем, сложившихся гендерных отношений и системы колониального господства. Эти ситуативные факторы, с одной стороны, уже являлись частью реальности и в этом смысле были неотъемлемой составляющей процесса формирования организованной современности, с другой стороны, они не имели обоснования как такового, и часто его было трудно найти. Эти факторы способствовали формированию институтов, которые должны были сделать дальнейшее развитие управляемым и контролируемым, но одновременно они могли стать препятствием на пути желаемого прогресса и, следовательно, превратиться в объект критики и протеста.

Эта характеристика дает ключ к пониманию процесса распада организованной современности, который стремительно набирал обороты начиная с 1960-х гг. В странах так называемого третьего мира движения за национальное освобождение призывали к деколонизации и коллективному самоопределению, и эта борьба к 1960 г. достигла своего апогея. В так называемом первом мире 1968 г. стал кульминацией выступлений рабочих и студентов, в которых нередко видят соединение политической и культурной революций, где первая требовала более активного участия в политической жизни, а вторая – расширения возможностей для самореализации личности. В так называемом втором мире протестные движения призывали как к расширению пространства для индивидуального самовыражения, так и к созданию новых, не связанных с господствующей концепцией исторического материализма форм коллективного самоопределения, и в частности требовали самоопределения в качестве политических для тех групп, которые не были признаны таковыми. После событий 1968 г. в политическую

повестку решительно и настойчиво вернулись вопросы, вновь поднятые феминистским и экологическим движениями, призывавшими к равенству, признанию различий и критическому осмыслению индустриальных преобразований Земли. В конце XX в. ответом на последствия перестройки глобальной финансово-экономической системы стало возникновение новых движений бедных и отчужденных, которые требовали социальной справедливости и интеграции. Там, где демократия была уничтожена военными режимами, эти движения вливались в движения за восстановление свободы и демократии. Там же, где социальное отчуждение и притеснение носили выраженный этнический/расовый характер, борьба разворачивалась вокруг политических и культурных требований коллективного самоопределения.

Большинство этих движений можно назвать прогрессивными, поскольку они выступали за социальный и политический прогресс, утверждая в сознании представление о таком прогрессе и осуждая ограничения, которые препятствовали его ходу. Некоторые из этих движений, помимо прочего, призывали к переосмыслению прогресса, критикуя форму, в которой он исторически мыслился и должен был быть достигнут. К примеру, критики эпистемико-экономического прогресса указывали на усиливающееся несоответствие, а нередко и противоречие между реальными эпистемологическими и экономическими практиками, с одной стороны, и требованиями хороших решений эпистемологических и экономических проблем – с другой. Такие эксперты зачастую ставили под сомнение сам механизм достижения прогресса в этих областях и то, как он концептуально утверждался в историческом контексте. Ряд критиков социального и политического прогресса, в свою очередь, призывали к пересмотру не принципов, а конкретных условий и обстоятельств, в которых утвердилось нынешнее представление о прогрессе. Это относится к движениям, ставящим под сомнение существующие государственные образования, их границы и считающим эти границы неподходящими для осуществления коллективного самоопределения. Также это характерно для движений, призывающих к исправлению исторической несправедливости. Несмотря на то, что их призывы можно трактовать как призывы к социальному прогрессу, сторонники этих движений настаивают на том, что равная свобода сегодня – это недостаточное условие для достижения прогресса.

Протест и прогресс в эпоху завершения формально закрепленного господства. Если 1960-е, 1970-е и отчасти более поздние десятилетия были ознаменованы ростом протестных движений и если мы вправе считать, что эти движения были устремлены к прогрессу и при этом были весьма успешными, почему же тогда прогресс фактически сошел на нет именно в этот период? Чтобы ответить на этот вопрос более обстоятельно, необходимо сделать несколько общих концептуальных и исторических замечаний, а затем рассмотреть их в свете недавних социально-политических трансформаций – процесса деструктуризации организованной современности второго послевоенного периода.

Социально-политические изменения часто происходят в результате переосмысления концепций, которые лежат в основе общественного самосознания (см.: Wagner 2012: ch. 3). Таким образом, прогресс набирает силу благодаря новым подходам, которые возникают при изучении актуальных проблем и поиске новых способов их решения. Социальный и политический прогресс, в частности, движим протестом против неудовлетворительных ситуаций: ситуаций, в которых проблемы решаются способами, которым не хватает нормативного обоснования и/или функциональной эффективности. Как уже отмечалось выше, на протяжении девятнадцатого и большей части двадцатого столетия господство было основным двигателем прогресса, тогда как критика господства служила важнейшим инструментом переосмысления прогресса. Принцип равной свободы вопреки постулатам эпохи Просвещения не был исторически исходной точкой движения прогресса. Скорее он стал главной составляющей социально-политического образа прогресса, определяя его цель, которую еще предстояло достичь. Вместо того чтобы реально регулировать сложившиеся практики, этот образ стимулировал сопротивление им. Преобладающие политические практики в Европе, а затем и на Западе в целом способствовали утверждению прогресса благодаря господству: над природой, над другими обществами и над значительной частью населения в своих собственных странах.

До Второй мировой войны эти практики господства имели достаточно четкое обоснование, хотя и вызывали бурные дискуссии. Однако в послевоенный период мобилизация общества на войну и оправдание самой войны в качестве инструмента борьбы против нелегитимных режимов изменили ситуацию (Halperin 2016)¹. Организованная современность послевоенного периода предполагала приведение сложившихся практик в соответствие с социально-политическим воображаемым. Общества первого и второго мира демонстрировали приверженность коллективному самоопределению, в социальной и политической сфере стремились к инклюзивности и эгалитарности, пусть даже по-разному их понимая. Право на коллективное самоопределение колонизированных обществ находило все большую поддержку, хотя часто оно являлось результатом колониальных и гражданских войн и признавалось колониальными державами в различных формах и на разных этапах.

Проведем параллель между прогрессивными движениями, которые в итоге привели к разрушению организованной современности, и движениями более раннего периода. Такое сопоставление позволяет отчетливо увидеть три их составляющие. Во-первых, наиболее похожими на старые протесты были движения, которые ставили целью устранение следов формально закрепленного господства. В этом качестве к 1990-м гг. они оказались чрезвычайно успешными. Антиколониальное движение в значительной степени достигло своей цели с падением последней европейской колониальной империи (португальской) в 1974 г., а также с отменой апартеида в начале

---

¹ Данная статья С. Гальперин публикуется в этом выпуске. – *Пер.*

1990-х гг. Больше не могли существовать диктатуры и авторитарные режимы. Феминистское движение к 1970-м гг. (а в социалистических странах даже раньше) добилось обеспечения полного юридического равенства для женщин во многих странах за исключением большинства исламских государств, не считая Турции. Движения за гражданские права в их широком понимании боролись с различными видами открытой дискриминацией, в частности касающейся этнических и языковых меньшинств, сексуальной ориентации, расы. В результате многие дискриминационные нормы были исключены из юридических документов, но тем не менее продолжали применяться на практике.

Во-вторых, экологическое движение стремилось положить конец жестокой эксплуатации природы и вернуть понятие экономического прогресса к фундаментальному пониманию материальных потребностей человека. В известном смысле это был протест против господства, точнее господства над природой, но не протест против господства одних групп людей над другими. Современный опыт такого протеста неоднозначен. Он значительно преуспел в том, что касается включения экологической проблемы в общественную и политическую повестку дня. Деятельность, направленная на изменение природной среды, сегодня нуждается в обосновании в гораздо большей степени, нежели полвека назад, и часто требует обязательной проверки и одобрения на институциональном уровне. Однако в то же время масштабы преобразований природы существенно увеличились: индустриализация многих развивающихся экономик значительно превосходит темпы деиндустриализации развитых экономик; а технологии и способы добычи ресурсов все значительнее воздействуют на природу. В настоящее время в дискуссиях об изменении климата преобладает мнение о том, что процесс разрушения идет быстрее, чем попытки остановить его или обратить этот процесс вспять.

В-третьих, некоторые протестные движения были нацелены на пересмотр и новую интерпретацию приоритетов социального и политического прогресса. В обществах, где социальная инклюзия была в целом достигнута, это привело к унификации жизненных стратегий, вследствие чего основной проблемой стала индивидуализация. В тех обществах, где государство имело приоритет над реальной практикой коллективного самоопределения, выдвигались требования об активизации политического участия. Этот протест формировал новое отношение к прогрессу: он больше не ставил целью преодоление формально закрепленного господства, а стремился пересмотреть социальную и политическую конфигурацию в содержательном плане. Он также¹ добился успеха в одном, но оказался гораздо менее успешен в другом. Этот протест преуспел в разрушении доминирующего социально-политического самопонимания в рамках различных типов организованной современности. Но при этом он не смог выработать новое гегемонистское самопонимание, которое нормативно превосходило предшествующее и, таким образом, символизировало прогресс.

---

¹ Как и экологическое движение. – Пер.

Итак, прогрессивные движения, которые в наибольшей степени направились на преодоление формально закрепленного господства движения прошлого, оказались преимущественно успешными. Их успех объясняет ключевые факторы угасания прогресса. Прогресс, достигаемый благодаря господству, все больше сдерживался успешным сопротивлением этому господству. И чем больше сопротивление господству знаменовало прогресс, приближаясь к моменту окончательного разрушения самой системы формально закрепленного господства, тем менее важным этот вид прогресса виделся в будущем.

В связи с тем, что именно этот вид прогресса находился в центре внимания критической мысли, возникало двойственное представление об исчерпанности/завершенности исторического прогресса. В частности, в 1990-е гг. было широко распространено мнение о том, что критика утратила свою силу в процессе текущих социально-политических трансформаций, и было трудно представить, каким образом можно восстановить ее роль. В то же время в критических дискуссиях этот очевидный успех едва ли воспринимался как успех, чему есть веские причины: возникали новые проблемы и одновременно давали о себе знать старые – экологический кризис и социальная несправедливость, при этом политический потенциал для их решения снизился, причем резко.

В данном отношении показателен пример Южной Африки. При апартеиде в ЮАР велась бурная дискуссия о связи между расовым господством и особой формой южноафриканского капитализма. В это же время в стране возникло мощное общественно-политическое движение за национальное освобождение, главной задачей которого было прекращение господства и предоставление равной свободы и равных прав всем южноафриканцам. Это господство было мишенью критики, и его уничтожение должно было означать достижение прогресса. С отменой апартеида данная цель была достигнута. В настоящий момент южноафриканское общество сталкивается с многочисленными проблемами, большинство из которых можно отнести к наследию колониального господства: ярко выраженные структуры социального неравенства, обусловленные сегрегацией и несправедливостью апартеида; экономика, ориентированная на добычу ресурсов для мирового рынка, а не на удовлетворение нужд населения ЮАР; система государственного управления, созданная для того, чтобы обеспечивать интересы меньшинства, но неспособная обеспечить потребности большинства в сфере образования, здравоохранения, транспортной инфраструктуры и т.д. В то же время в обществе сформировалось политическое большинство, приверженное программе социальных преобразований и нацеленное на решение этих проблем. Однако их общественные и научные обсуждения сегодня слабы и дезориентированы, кроме того, наблюдается неопределенность представления о том, какой прогресс возможен и как его достичь, а также серьезные сомнения относительно того, возможен ли вообще какой-либо существенный прогресс. Южная Африка не является исключением. Скорее наоборот, она является показательным примером из-за тех радикальных преобразований, которые недавно претерпела, перейдя от системы жесткого

формально закрепленного господства к приверженности принципам личной и коллективной автономии. Это свидетельствует о необходимости более обстоятельно разобраться в том, что представляет собой прогресс после упразднения большинства институционально закрепленных форм господства. Важно понять, как трансформировать широко распространенную идею саморазвивающегося прогресса, возникающую в результате сочетания свободы и разума эпохи Просвещения после упразднения системы формально закрепленного господства, в представление о прогрессе как о проблеме коллективного самоопределения и коллективного участия.

Далее в статье я постараюсь показать, что было бы ошибочно игнорировать или преуменьшать огромный успех, достигнутый в преодолении формально закрепленного господства, – ошибочно с точки зрения конкретных фактов, поскольку очевидны реальные достижения, но также ошибочно и с политической точки зрения, потому что такой взгляд ведет к недооценке нормативных факторов в истории. Также я хочу подчеркнуть, что произошедший регресс был частью той же социально-политической трансформации, которая привела (или почти привела) к концу системы формально закрепленного господства, и что он непосредственным образом связан с протестными движениями, целью которых был прогресс. Другими словами, критика и протест создают новые интерпретации, которые стремятся найти более эффективные нормативные решения, но они не в состоянии контролировать эти интерпретации и потому в конечном итоге приводят к регрессу, последствия которого могут перевесить прогрессивные достижения.

Ловушка гегемонистского дискурса: стирание пространственных и временных границ. Протесты, которые способствовали разрушению норм организованной современности, проходили в форме восстания против навязанных ограничений на нормативном уровне либо в форме недовольства последствиями, проистекающими из осознания функциональной ущербности этих ограничений, или же – в некоторых случаях – в виде сочетания обеих форм критики. Но они предлагали лишь слабый образ конструктивного переосмысления современности. С идеей прекращения формально закрепленного господства были связаны ключевые составляющие этого образа: общая идея равных индивидуальных прав, как, например, в женском движении, движении за гражданские права в США или борьбе против апартеида; идея всеобщего коллективного самоопределения или идея демократии, проявившаяся в освобождении от колониального правления (включая конкретный пример Южной Африки), от авторитарного правления, как в Южной Европе, Восточной Азии и Латинской Америке; а также идеи свободы от конкретных ограничений – идеи коммерческих свобод, свободы СМИ, свободы передвижения и свободы самореализации.

В таком контексте большинство произошедших социально-политических изменений можно описать в терминах нормативных достижений прогресса: признания, свободы, равенства. Именно здесь следует искать корень возникших по этому поводу дискуссий. Взглянув на социально-политическую трансформацию в целом, сделаем ряд оговорок. При оценке

недавних изменений с точки зрения преодоления системы формально закрепленного господства можно упустить из виду тот факт, что параллельно с разрушением этой системы шло уничтожение и тех институциональных структур организованной современности, которые, по сути, не являлись проводниками формального господства. Нормативная оценка этих процессов, впрочем, не так однозначна. Существенно снизилась способность государств осуществлять государственную деятельность. В частности, оказался утрачен важнейший элемент организованной современности – управление национальными экономиками. Как следствие, коммерческие и финансовые процессы все чаще выходили из-под какого-либо контроля. В более широком смысле институционализированные коллективные действия были делегитимизированы в ходе концептуального перехода от идеи «правительства» к идее «управления». Наряду с этим, институциональные механизмы, обеспечивавшие коллективное самоопределение, были ослаблены, отчасти намеренно в интересах наднационального или глобального сотрудничества, отчасти из-за предполагаемого исключения социально-политических процессов из сферы внимания и контроля политических структур.

Каждая масштабная социально-политическая трансформация влечет за собой демонтаж существующих институтов. Но этот демонтаж, как правило, сопровождается строительством новых институтов или возникновением новых функций и значений у уже существующих институциональных структур. С точки зрения роста общественного участия и политики признания трансформация европейских обществ в период с середины девятнадцатого до начала двадцатого столетия является ярким примером строительства общественных институтов, которые были призваны решать проблемы, порожденные либеральной современностью Европы. В отличие от этого, борьба с организованной современностью в конце XX в. нередко делала своей мишенью репрессивный, эксплуатирующий или отчуждающий характер существующих структур и, как следствие, была в первую очередь нацелена на их деинституционализацию. В качестве непреднамеренного побочного эффекта такая установка привела к ослаблению способности к коллективным действиям: с одной стороны, из-за ослабления конкретных существующих институтов, а с другой – из-за того, что институциональные преобразования в целом делегитимизируются во имя некой универсальной идеи равной индивидуальной и коллективной свободы.

На определенном этапе процесса выхода из организованной современности в 1980-х – начале 1990-х гг. этот нечеткий образ продолжающегося переосмысления модерности приобрел более твердые контуры. В этот период большинство публичных интеллектуалов полагали, что всеобщая приверженность индивидуальной свободе и коллективному самоопределению должна беспрепятственно получить глобальное воплощение. Считалось, что этот процесс будет сопровождаться и подкрепляться идеей экономической свободы, согласно которой любые факторы, сдерживающие экономическую деятельность, не только ограничивают свободу, но и оказывают неблагоприятное влияние на экономическую результативность, а поэтому должны быть устранены.

Эти политико-философские идеи воплотились в политическом дискурсе о «правах человека и демократии», а также в экономическом дискурсе о необходимости возвращения рыночных свобод и свободной торговли, причем оба они стали доминирующими. Более того, эти дискурсы получили частичное институциональное закрепление в различных формах: в отказе от норм внутреннего экономического регулирования; в ослаблении международных барьеров для экономического обмена; в утверждении принципа «ответственности за защиту» в международном праве в противовес принципу государственного суверенитета; в элементах интернационализации уголовного права; в тенденции отождествлять общественные протестные движения с формами коллективного самоопределения и др.

Но вернемся к зайцу и ежу. В начале гонки еж назвал своим идеалом мир свободных человеческих существ, обеспечивающих устойчивый прогресс благодаря своему взаимодействию, и заяц принялся бежать. Когда намного позже супруга ежа сообщила измученному зайцу, что гонка закончилась и он проиграл, заяц не мог поверить, что это правда, но при этом был не в состоянии объяснить почему. Он не смог различить двух ежей. Именно с такой проблемой сталкивается сегодня критическое мышление в отношении прогресса. В чем разница между обещанием эмансипации и равной свободы более двух веков назад и широко распространенной институционализацией равной свободы сегодня?

Другими словами, вопрос заключается в том, что не так, если вообще что-то не так, с дискурсом «прав человека и демократии» и идеей, что любое снятие ограничений ведет к увеличению свободы. Проблема состоит в том, что в этих понятиях, очевидно, есть что-то верное, они указывают на обоснованную нормативную проблему, однако при этом гораздо сложнее определить, что в них неверно. Приверженность свободе, правам человека и демократии является нормативно неоспоримой. Отказ от ограничений человеческих действий и контроля над людьми представляется самоочевидным. Однако именно в этом и кроется ловушка гегемонистского дискурса. С одной стороны, свобода и демократия – это базовые нормативные ценности, которые необходимо принять. И в этом смысле они действительно не нуждаются в обосновании. С другой стороны, они предстают непревзойденным образцом и ориентиром во всевозможных политических дискуссиях, исключая любые рассуждения, которые не соответствуют этому образцу. Но при всей своей значимости и важности эти концепции не являются достаточным основанием для того, чтобы определять направление политических дискуссий как таковое. Скорее они ставят дополнительные вопросы, на которые необходимо ответить, задействуя при этом и другие средства. Чтобы не попасть в эту ловушку (или, точнее, чтобы выбраться из нее, поскольку большая часть текущих дискуссий – это ловушка), следует вспомнить проверенную временем истину о том, что любые универсальные оценочные понятия имеют тенденцию становиться предметом дискуссии. Они могут быть верными в самом широком смысле, но они не подлежат практическому применению в том простом смысле, что из этих концепций можно вывести конкретные действия и отождествить их с шагами по их реализации.

Историю этих понятий характеризуют любопытные трансформации. Как и идея неотъемлемых прав и народного суверенитета, они возникли вместе с Просвещением и вдохновили революции конца XVIII в. Однако политические дискуссии, возникшие после революций, по большей части уделяли внимание критике концепции абстрактной свободы и сложившихся представлений о конституционном строе современных государств. По сути, социально-политические преобразования конца XIX – начала XX в. повторно ввели в оборот понятия общественных связей и коллективных обязательств. Сегодняшние дискуссии могут вполне эффективно использовать опыт концептуальной критики и преобразовательной практики более раннего периода. Однако простого анализа этих дебатов будет недостаточно, если они не будут привязаны к социально-политическим преобразованиям нашего времени. Именно с этой целью мы попытались реконструировать доминирующее самопонимание различных типов организованной современности после Второй мировой войны, а также ту динамику, которая в итоге привела к их деструктуризации. Публичную политическую философию, которая позднее ненадолго заняла доминирующие позиции, следует интерпретировать как попытку осуществить спонтанную концептуальную рефлексию этой деструктуризации. В рамках социологических исследований сформировалась идея о том, что любые коллективные институты различных форм – государство, нация, класс, общество – постепенно разрушаются под воздействием двух доминирующих тенденций: глобализации и индивидуализации. Подобно социологической формуле глобализации и индивидуализации, общественно-политический дискурс утверждал, что между отдельным человеком и земным шаром не было и не должно быть никакой связи. Любое социальное явление, стоящее между ними, рассматривалось как потенциальный ограничитель свободы. Важно подчеркнуть, что наметилась тенденция к переосмыслению понятия демократии, которое предполагает наличие определенной общности, принимающей решение и, таким образом, неизбежно занимающей промежуточное положение между отдельным индивидом и миром. Вместо того чтобы отсылать к конкретной исторически сложившейся общности, процессы самоопределения, с одной стороны, ассоциировались с социальными движениями без какой-либо институциональной привязки, а с другой – они проецировались на глобальный уровень в качестве воплощения грядущей космополитической демократии. Эту концептуальную тенденцию можно охарактеризовать как *стирание пространства*. Аналогичную тенденцию на последующем этапе мы можем определить как *стирание времени*. Отдельные индивиды рассматриваются как свободные и равные, а если точнее, как равно свободные. Таким образом, их биографии и жизненный опыт больше не воспринимаются в качестве факторов, обеспечивающих им определенное положение в обществе, исходя из которого они говорят и действуют. В свою очередь, политические порядки превращаются в объединения таких индивидов, которые заключают друг с другом общественный договор, лишенный какого-либо конкретно-исторического контекста.

Это образ утопии. Прогресс в данном случае – это преодоление зависимости от пространства и времени, в которых родился человек. Исторически этот образ можно обнаружить в теориях общественного договора от Джона Локка до Жан-Жака Руссо. Но у этих авторов, как и у их предшественника Томаса Гоббса, данные теории представляли собой интеллектуальные эксперименты с целью определить, на каких основах в принципе возможно мирное совместное существование людей (для Гоббса), а также последующее улучшение условий человеческой жизни. В конце XX в. этот образ, напротив, знаменовал грядущие возможности. Он предполагал прогресс, который уже маячил на горизонте. Идея освобождения тогда часто поддерживалась критической мыслью, которая – в целом совершенно справедливо – не исходит «из образа того, чем мы являемся, делать вывод о том, что нам невозможно сделать или познать, но она в случайности, которая заставила нас быть тем, что мы есть», она «раскрывает возможность больше не быть тем, что мы есть, не делать то, что мы делаем, или не мыслить то, что мы мыслим» (Foucault 1984: 46; Фуко 2002: 353).

Такая критика с 1960-х гг. стала главной движущей силой процесса разрушения организованной современности, как, например, в борьбе против колониального господства или в событиях 1968-го. Но она также слишком долго и слишком часто прибегала к «заверениям или пустым мечтам о свободе», что привело к ошибочным «проектам, притязующим на то, чтобы быть радикальными и глобальными» (Foucault 1984: 46; Фуко 2002: 353). Эти проекты направлены на стирание времени и пространства. Они воплощаются в различных политических формах: от идеи индивидуальных предприимчивых «я», связанных друг с другом посредством саморегулирующихся рынков, идеи индивидуальных прав человека, в которой отсутствует представление об институте, гарантирующем эти права, до идеи космополитической демократии, лишенной представления о формах политической коммуникации.

Что же тогда следует делать? По словам цитированного выше Фуко, «эта работа, совершаемая в предельной зоне нас самих, должна, с одной стороны, открыть область исторических изысканий, а с другой же – подвергнуться испытанию реальностью и актуальным моментом для того, чтобы улавливать точки, где изменение возможно и желательно, и одновременно определять точную форму, которую надлежит придать этому изменению» (Foucault 1984: 46; Фуко 2002: 353). Без исторического анализа и критической оценки реальности абстрактные рассуждения о свободе и ее последствиях (в частности, о ликвидации границ и забвения предшествующего опыта) вместо того, чтобы оказывать помощь, становятся нашими противниками в борьбе за осмысление настоящего и определение того прогресса, который и возможен, и желателен.

Перспективы: подготовка теста на реальность для определения будущего прогресса

Все написанное в этой статье можно рассматривать как вклад в историческое и концептуальное исследование, о необходимости которого было

сказано выше. Следует сделать последний шаг – предложить хотя бы некоторые параметры для анализа сегодняшней ситуации на предмет возможности и желаемого прогресса. В настоящее время утопический образ прогресса, выходящего за границы исторического времени и жизненного пространства, все еще существует, но он в значительной степени утратил достоверность и убедительность. Это обусловлено явлениями, которые интерпретируются как признаки его несовершенства, в частности чередой экономических кризисов по всему миру; растущим неприятием несправедливости прошлого, которое продолжает оказывать влияние на настоящее; возросшей обеспокоенностью последствиями антропогенного изменения климата; региональными кризисами демократии; отсутствием критериев оценки международных конфликтов. В свете этих обстоятельств сегодня предпринимаются попытки реконструкции, осознанно исходящие из фактора социального пространства и признающие историчность социальной жизни человека.

В некотором смысле события, произошедшие в Тегеране в 1979 г., которые часто называют Исламской революцией, являются первым примером такой реконструкции. Какими бы специфическими ни были иранские события, их можно рассматривать как начало более масштабного процесса осмысления политических возможностей в современном мире, с тех пор усилившегося не только за счет укрепления политического ислама, но и благодаря зарождающимся новым формам политического самосознания, охватывающим как многообразные успешные «прогрессистские» политические движения в Латинской Америке, так и новые политические силы, ориентированные на трансформацию постапартеидного государства ЮАР, а также на политику посткоммунистического Китая. Ускорение европейской интеграции после Маастрихтского договора, сопровождавшееся активными дискуссиями о европейском самосознании, в целом считается одной из важнейших попыток такого рода регионального подхода к осмыслению мира, хотя сейчас эта попытка иногда рассматривается как близкая к провальной. В последнее время возникновение БРИКС привело к стремлению воссоздать особую конфигурацию организации пространства – глобального Юга – и темпоральности – корректировку системы господства Запада (Севера). Эти наблюдения свидетельствуют о том, что сегодняшнюю ситуацию можно рассматривать с точки зрения продолжающейся тенденции к переосмыслению современности (с новыми существенными региональными различиями на фоне предшествующего опыта современности) – в контексте большей взаимосвязанности, которую не следует путать с реальной глобализацией, понимаемой как стирание границ. Современным процессам переинтерпретации еще довольно далеко от обретения новой консолидированной формы, вместе с тем главная подготовительная миссия для создания адекватной новой концепции прогресса состоит в определении основных контуров этих процессов.

На основании приведенных выше рассуждений можно рассматривать историю второй половины двадцатого столетия как трансформацию глобального мира, состоящего из совокупности консолидированных региональных, а по факту – пространственно очерченных интерпретаций современности, в глобальный мир с деструктурированными социальными отношениями

крайне изменчивой протяженности и значимости, но с проекцией безграничного пространства, населенного не связанными друг с другом индивидами. В самом общем виде сегодняшнюю борьбу за новые интерпретации современности характеризуют два фундаментальных противоречия:

– противоречие по вопросу о *темпоральной конфигурации настоящего* между теми, кто считает, что признание принципа равной свободы предполагает взгляд на человека как на обладателя равных прав в современном мире, и теми, кто считает, что последствия опыта исторического прошлого (не в последнюю очередь опыта притеснения и дискриминации) накладывают отпечаток на сегодняшнее состояние и что необходимо дифференцированно рассматривать права и нормативные требования;

– и противоречие по вопросу о *пространственной конфигурации настоящего* между теми, кто считает, что границы сдерживают проявление как политической, так и экономической автономии с негативными нормативными и функциональными последствиями, и теми, кто считает, что границы являются необходимым условием для осуществления коллективной автономии, которая, в свою очередь, необходима для создания пространства личной свободы.

При самом поверхностном взгляде становится очевидно, что в современном мире идет упорная борьба за поиск адекватного разрешения этих противоречий. Для того чтобы определить его наиболее оптимальный вариант, необходимо сформулировать новую концепцию прогресса. В концептуальном плане она позволит заменить жесткую концепцию прогресса как самодвижущей силы истории понятием, которое делает акцент на деятельности, воображении и критике. В контекстуальном плане эта концепция должна будет учитывать ситуацию нашего времени в двух основных аспектах. Во-первых, после разрушения системы формально закрепленного господства будущий прогресс должен стать прогрессом в сфере коллективной автономии, а значит, политическим прогрессом. Политику сегодня следует понимать как радикальную приверженность демократическому участию, придавая иной смысл широко используемому понятию демократизации, которое на деле часто подразумевает снижение способности к действию. Сложность состоит в необходимости одновременно препятствовать снижению влияния государственных институтов, формировать политический ресурс в области глобальной координации и осуществлять это в беспрецедентных по масштабам формах демократического участия. Построение такого демократического коллективного института должно происходить вместе с определением ключевых проблем, которые этот институт должен решать. Именно поэтому, во-вторых, еще одной важнейшей задачей нашего времени должен стать поиск более адекватной интерпретации мироустройства, в котором мы живем. Этот прогресс может быть достигнут лишь в борьбе с теми, кто заинтересован в утверждении такой мироинтерпретации, при которой их привилегии остаются неизменными. После ликвидации системы формально закрепленного господства актуальная работа по интерпретации и осмыслению мироустройства должна быть сосредоточена на выявлении новых форм господства, в частности тех, которые сегодня отрицают акту-

альность исторической несправедливости, утверждая, что теперь все люди равны и одинаково свободны. И она должна противостоять склонности к высокомерному убеждению в том, что человек способен освоить все грани своего существования на этой земле. Как следствие, разработка такой концепции прогресса для сегодняшнего дня заставит переосмыслить отношения между пространством нашего опыта и горизонтом наших ожиданий.

Перевод и примечания М.С. Ильченко

Научная редакция перевода М.С. Ильченко, В.С. Мартынова

Translated from English by M.S. Ilchenko

Academic editing by M.S. Ilchenko, V.S. Martianov

References

- Foucault M. 1984. What is Enlightenment?, *Rabinow P. (ed.). The Foucault Reader*, New York, Pantheon Books, pp. 32-50.
- Habermas J. 1990. *Die nachholende Revolution* [The catching-up revolution], Frankfurt am Main, Suhrkamp, 225 p.
- Halperin S. 2016. Modernity and the embedding of economic expansion, *European Journal of Social Theory*, vol. 19, iss. 2. Special issue on “Modernity and capitalism” (ed. by David Casassas and Peter Wagner), pp. 172-190.
- Jaspers K. 1953. *The Origin and Goal of History*, New Haven, Yale Univ. Press, 294 p.
- Koselleck R. 1979. *Vergangene Zukunft* [Past future], Frankfurt am Main, Suhrkamp, 389 p. (in German).
- Koselleck R., Reichardt R. (eds.) 1988. *Die Französische Revolution als Bruch im gesellschaftlichen Bewußtsein* [The French Revolution as a break in social consciousness], Berlin, de Gruyter, 678 p. (in German).
- Offe C. 2010. *Was (falls überhaupt etwas) können wir uns heute unter politischem “Fortschritt” vorstellen?* [What (if anything) can we imagine by political “progress” today?], *Westend. Neue Zeitschrift für Sozialforschung*, Vol. 7, iss. 2, pp. 3-14. (in German).
- Wagner P. 1994. *A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline*, London, Routledge, 284 p.
- Wagner P. 2012. *Modernity: understanding the present*, Cambridge, Polity, 190 p.

Издания (переводы) на русском языке

- Фуко М. 2002. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Статьи и интервью 1970–1984. Москва : Праксис. 384 с. (Новая наука политики).
- Ясперс К. 1991. Смысл и назначение истории. Москва : Политиздат. 527 с. (Мыслители XX века).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Питер Вагнер

профессор-исследователь Департамента социологической теории, философии права и методологии социальных наук Каталонского института перспективных исследований (ICREA), Университет Барселоны, г. Барселона, Испания;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4416-718X>
E-mail: peter.wagner@ub.edu

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Peter Wagner

is ICREA Research Professor in the Department of Sociological Theory, Philosophy of Law and Methodology of the Social Sciences at the University of Barcelona, Barcelona, Spain;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4416-718X>
E-mail: peter.wagner@ub.edu